

Глава I

Бреттон

У моей крестной был славный дом в чистом старинном городке Бреттоне. Дом этот уже несколько поколений принадлежал семье ее мужа, носившей то же имя, что и город, где они родились, — Бреттоны из Бреттона. Я так и не знаю, простое ли это совпадение или же некий их далекий предок был личностью столь замечательной, что его именем назвали место, где он обитал.

В детстве я ездила в Бреттон раза два в год, и пребывание там всегда приносило мне радость. По душе мне был и сам дом, и его обитатели. Мне нравилось все: уютные просторные комнаты, со вкусом расставленная мебель, чисто вымытые светлые широкие окна, балкон, выходящий на прелестную старинную улицу, такую тихую и опрятную, что, казалось, на ней всегда царит воскресное, праздничное настроение.

Когда в семье, состоящей из одних взрослых, появляется ребенок, ему обычно уделяют много внимания, и миссис Бреттон относилась ко мне со сдержанной, но искренней заботливостью. Миссис Бреттон овдовела еще до того, как я познакомилась с ней. У нее был один сын, а ее муж, врач, умер, когда она была еще молода и хороша собой.

Мне она помнится женщиной в годах, но все еще красивой, высокой и стройной. Для англичанки она была несколько смугловата, и на ее щеках играл здоровый румянец, а прекрасные черные глаза светились живостью и весельем. Многие сожалели, что не от миссис Бреттон сыну достались цвет глаз и волос, — у него были голубые глаза, и даже в детстве у него был пронизательный взгляд, а цвет длинных волос было трудно определить точно, и лишь освещенные солнцем они становились явно золотистыми. Однако от матери он унаследовал красивое лицо, прекрасные зубы, рост (вернее, виды на рост в будущем, так как он был еще ребенком) и, главное, — отменное здоровье, а также то бодрое и ровное расположение духа, которое дороже всякого богатства.

Осенью *** года я гостила в Бреттоне. Крестная взяла на себя труд рассказать мне о родственниках, у которых мне предстояло поселиться в ближайшем будущем. Думаю, что она уже тогда предвидела ожидавшие меня события, о характере которых я едва ли догадывалась, но даже смутные подозрения на возможность перемен вызвали во мне тревогу и страх — перед новой обстановкой и чужими людьми.

У крестной я вела жизнь спокойную и безмятежную, подобную мирному течению полноводной реки на равнине. Мои приезды к ней напоминали пребывание Христиана и Верного*¹ у прелестной реки, «на обоих берегах которой круглый год зеленеют деревья и простираются луга, покрытые лилиями». Жизнь моя не отличалась пленительным разнообразием и волнующими приключениями, но мне нравился этот покой, и, избегая всяческих

¹ Знаком * отмечены места, поясняемые в примечаниях в конце книги.

перемен, я даже любое письмо воспринимала как нарушение привычного хода вещей и предпочитала, чтобы оно вовсе не приходило.

Однажды миссис Бреттон получила письмо, содержание которого явно удивило и даже несколько обеспокоило ее. Сначала я решила, что это весточка из дому, и испугалась, нет ли в письме какого-нибудь тревожного сообщения. Однако мне ничего не сказали о содержимом, и туча, казалось, рассеялась.

На следующий день, вернувшись после долгой прогулки, я обнаружила в своей спальне неожиданные перемены: помимо моей кушетки, стоявшей в занавешенной нише, в углу появилась детская кроватка, застеленная белым покрывалом, а рядом с комодом красного дерева я увидела крохотный палисандровый сундучок. Не двигаясь с места, я оглядывала комнату и мысленно рассуждала: «О чем свидетельствуют эти перемены?» Ответ мог быть только один: «Приезжает еще одна гостья, миссис Бреттон кого-то ждет».

Спустившись к обеду, я все узнала: со мной поселится девочка, дочь друга и дальнего родственника покойного доктора Бреттона. Девочка эта, сообщили мне, недавно потеряла мать, хотя, добавила миссис Бреттон, потеря эта для нее не так тяжела, как можно было бы ожидать. Миссис Хоум (мать девочки) была весьма милостивой, но легкомысленной и беспечной женщиной; она не заботилась о своей дочери, чем чрезвычайно огорчала мужа. Супруги оказались столь чуждыми друг другу, что последовал разрыв, который произошел по взаимному согласию, то есть без юридической процедуры. Какое-то время спустя миссис Хоум, переутомившись на балу, простудилась, у нее случилась горячка, и, недолго поболевав,

она умерла. Ее мужа, человека по природе очень чувствительного, да к тому же еще потрясенного внезапным сообщением о случившемся, видимо, невозможно было разубедить в том, что излишней суровостью, нетерпимостью он ускорил ее конец. Он так упорно возвращался к этой мысли, что совсем пал духом, и врачи посоветовали отправить его для излечения в путешествие, а миссис Бреттон предложила взять на это время его дочку к себе. «Надеюсь, — добавила крестная в заключение своего рассказа, — дитя не унаследует характера своей матери, неумной и суетной кокетки, из тех, на которых, проявив слабость духа, иногда женятся даже рассудительные мужчины. А ведь, — продолжала она, — мистер Хоум человек весьма рассудительный, хотя не очень практичный: он увлечен наукой и проводит полжизни в лаборатории, где ставит опыты, чего его неразумная жена не могла ни понять, ни терпеть. По правде говоря, — призналась крестная, — мне бы это тоже не очень понравилось».

В ответ на мои расспросы о мистере Хоуме она сказала, сославшись на покойного мужа, что мистер Хоум пристрастием к науке пошел в своего дядю по материнской линии — французского ученого. По всей видимости, в жилах у него течет и французская, и шотландская кровь, во Франции до сих пор живут его родственники, из которых иные пишут «де» перед своей фамилией и считают себя дворянами.

В девять часов вечера послали слугу встретить дилижанс с нашей маленькой гостьей. В гостиной остались лишь миссис Бреттон и я, так как Джон Грэм Бреттон гостил в деревне у своего однокашника. Крестная читала вечернюю газету, а я шила. Вечер был дождливый, ливень громко барабанил по мостовой, ветер выл сердито и тревожно.

«Бедное дитя! — повторяла время от времени миссис Бреттон. — Быть в пути по такой-то погоде! Скорее бы уж она приехала».

Около десяти часов дверной колокольчик оповестил, что Уоррен вернулся. Не успели открыть дверь, как я уже сбежала вниз, в переднюю. На полу стоял чемодан и несколько картонок, около них — девушка, видимо няня, а на нижней ступеньке — Уоррен с завернутым в шаль свертком в руках.

— Это и есть тот самый ребенок? — спросила я.

— Да, мисс.

Я развернула было шаль и попыталась взглянуть на личико девочки, но она быстро отвернулась и уткнулась Уоррену в плечо.

— Пожалуйста, поставьте меня на пол, — послышался тонкий голосок, когда Уоррен отворил дверь в гостиную, — и снимите эту шаль, — продолжала девочка, вытаскивая крошечной ручкой булавку и с какой-то нервической поспешностью сбрасывая с себя неуклюжие одежды.

Появившееся из-под них существо попыталось было сложить шаль, но она оказалась слишком тяжелой и большой для этих слабых ручек.

— Пожалуйста, отдайте это Хариет, — распорядилась девочка, — пусть она все уберет.

Затем она повернулась и вперила взгляд в миссис Бреттон.

— Подойди, малютка, — сказала крестная. — Подойди, я хочу проверить, не промокла ли ты. Идем, согреешься у камина.

Девочка не мешкая подошла к ней. Без шали и теплой одежды она оказалась удивительно миниатюрной: фигурка у нее была изящная, будто точеная, и стройная, а походка —